

¹⁴ Российская интеллигенция: XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург, 23–24 февраля 1994 г.; Пятые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. Екатеринбург, 2004 и др.

¹⁵ Попов М.В., Протасова Э.Е., Бахтина И.Л. Начальное образование в уральской деревне в 1920–1941 гг. Екатеринбург, 2006.

О.И. Сыромятников
(Пермь)

Диалог культур Востока и Запада в философии Ф.М. Достоевского

Каждый человек в процессе своего взросления сталкивается с необходимостью определения смысла своего бытия. Точно так же и всякий народ в пору своей зрелости стремится осознать свое место и значение в ряду других народов: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» (24;48)*. Смысл бытия народа, его национальная идея представляет собой одновременно вопрос о месте и роли народа в мире и ответ на него. Содержание и особенности каждой национальной идеи определяются множеством факторов (религиозным, географическим, экономическим, политическим и др.), но определяющее значение имеет самосознание народа, его душа. Национальная идея России предстает как *русская идея*.

Как понятие общественного сознания, *русская идея* актуализировалась во второй трети XIX века, что выразилось в возникновении лагерей славянофилов и западников, представлявших две крайние точки зрения на проблему *русской идеи*. Причиной разногласий между ними стал подход к оценке реформ Петра I: славянофилы видели в них источник всех бед России, а потому призывали вернуться к исконным национальным основам, тогда как западники настаивали на радикальном продолжении этих реформ. Попыткой преодоления крайностей обоих путей на основе собирания всего лучшего, открытого ими, стала философия почвенничества, одним из наиболее последовательных и ярких идеологов которой был Ф.М. Достоевский. Под его пером *русская идея* не только обрела имя (письмо А.Н. Майкову от 18 января 1856 г.), но стала основой образности художественных произведений и главной темой публицистики и эпистолярная.

Будучи идейно близким к славянофилам: «Откровенно говорю, что я был, и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим

* Здесь и далее сноски на произведения Ф.М. Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1987. Первая цифра указывает номер тома, вторая – номер страницы. Если том состоит из двух книг, вторая цифра указывает номер книги, а третья – номер страницы.

славянофилом, кроме крошечных разногласий...» (28,2;34), Достоевский, тем не менее, часто критиковал их стремление к культурно-му изоляционизму и слепое идеализирование прошлого России: «Древняя Россия была деятельна политически <...>, но она в замкнутости своей *готовилась быть не права*, обособиться от человечества, а через реформу Петра мы само собою сознали всемирное значение наше» (24;183). Всю жизнь неустанно изучая историю своего Отечества, писатель приходит к выводу о том, что исторически Россия принадлежит двум мирам – Востоку и Западу, и решение ее судьбы связано с ними в равной степени. Во все времена Запад и Восток, видя в России нечто чужеродное, пытались или насильно переделать ее по своему подобию или вовсе уничтожить, поэтому подлинно мирное культурное сосуществование начиналось только тогда, когда Россия побеждала в битвах за свою независимость. XIX век – время окончательного определения отношений России и Европы, считает Достоевский, так как вследствие реформ Александра II между ними началось интенсивное культурное сближение: «...Время теперь по перелому и реформам чуть ли не важнее петровского» (28,2;206). Поэтому спор о том, чего больше: добра или зла принес России Петр, не имеет смысла, гораздо важнее понять, чем сейчас является Европа для России.

Сам воспитанный на лучших образцах европейской культуры, в течение всей своей жизни с неослабным вниманием следивший за процессами, происходящими в Европе, Достоевский отвечает на этот вопрос так: «Что мы несем из Европы? <...> во-первых и главное, образованность, расширение горизонта: умножившееся и усиленное понимание *своей идеи* (курсив наш. – О.С.) через сопоставление с западноевропейской миром, историческое понимание древнего мира, потребность порядка. <...> Склад же жизни европейской и порядок ее современный нам никак нельзя *копировать*. <...> Нравственные вещи Европы нельзя копировать: мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская – все это очень плохо. <...> Вера их хуже нашей. <...> Гуманные начала даны в нашей вере, и эти начала *лучше*» (24;181–182).

Более того, в 1870 г. Достоевский пишет из-за границы А.Н. Майкову: «Господи! Какие у нас предрассудки насчет Европы! <...> весь здешний народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами» (28,1;161–162). После вынужденного четырехлетнего пребывания в Европе (1867–1871) она представляется Достоевскому одним большим кладбищем: «Франция – нация вымершая, да и сказала все свое...» (26;272), Германия – «изживший свои силы народ, <...> мертвый народ и без будущего...» (29,1;176), а в Англии «то же самое, что и везде в Европе – страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни (т.е. утрата националь-

ной идеи. – О.С.)» (20;95). Наряду с этим Достоевский все явственнее ощущает «ту постоянную, всеобщую, основанную на каком-то сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении враждебность к нам Европы; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суверенный страх ее перед нами...» (21;70). Главную причину этой враждебности европейцев к России Достоевский видит в том, что «они не могут никак нас своими признать <...> Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!» (27;35).

Казалось бы, из этого неизбежно следует вывод о «guerre eternelle» – «вечной войне» Европы и России. Этому соблазну легко поддавались «патриоты на час» и в XIX веке и ныне. Да, говорит Достоевский, Европа – кладбище, но «самое <...> дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники...» (14;210). Незачем воевать с Европой – она наш общий дом, европейцы – наши исторические братья, а потому наша вражда – плод недоразумения, и примирение необходимо. Но примирение не насильственное, путем подчинения слабого сильному, а «лишь на основании Христа примирение возможно» (24;81).

Уверенность Достоевского в неизбежной гибели старой Европы основывается на представлении о том, что она предала забвению ею же порожденный высший общественный идеал – Христа: «...Римское католичество <...> когда надо было <...> продало Христа за земное владение <...> оно провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволову искушение, на царства земные: «Все сие отдам, поклонися мне!»» (22;88). Отрекшись от Христа, Европа стала стремиться к воскрешению «древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве» (22;89) и состояла в том, чтобы сначала заручиться прочным государственным единением в виде всемирной монархии, а уже затем духовно объединиться под началом Папы, как владыки мира сего. Именно папство, полагает Достоевский, в своем стремлении к глобальной теократии породило (как ответную реакцию) европейский научный атеизм и коммунизм. Все западные революции явились лишь попыткой устроиться не только без скомпрометировавшей себя католической церкви, но и вообще без «устаревшего» Бога. К концу XIX века в Европе власть церкви стремительно разрушается, оплот католицизма – Франция ослаблена непрерывными революциями и войнами. На европейскую историческую сцену приходят невиданные прежде герои – буржуазия и пролетариат. Многим это представляется началом нового пути европейской цивилизации, ее объединением и расцветом на идеях позитивизма и социализма.

Достоевский был знаком с этими идеями не понаслышке. В сентябре 1876 года он посетил конгресс «Лиги мира и свободы», о чем так вспоминал позднее: «...Что эти господа. – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, врали с трибуны перед 5000 слушателей, то невыразимо! Никакое описание не передаст этого. <...> И эта-та дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделаться маленькими; все капиталы прочь, чтоб все было общее по приказу и проч. Все это без малейшего доказательства, все это заучено еще 20 лет назад наизусть (распространение в Европе «Манифеста коммунистической партии». – О.С.), да так и осталось. И главное, огонь и меч – и после того как все истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир» (28, 2; 224–225).

Считая коммунизм непосредственным и закономерным порождением западной цивилизации, вызванным стремлением объединить людей исключительно на основе биологических потребностей и материальных интересов, Достоевский говорит о необходимости противопоставить ему вечные ценности православия, хранимые русским и другими славянскими народами. Он указывает на необходимость интеграции славянских народов не только в духовном, но и в государственно-политическом плане, потому что ненависть Запада к России не ограничится лишь диффамационными выпадами в прессе. Как только представится возможность, европейские державы забудут до поры свои распри и набросятся на Россию в надежде навсегда поработить ее или уничтожить вовсе. И если падет Россия, участь европейских славян будет решена мгновенно. Поэтому Достоевский, во многом соглашаясь с идеями Н.Я. Данилевского, говорит о необходимости создания Всеславянского союза, центром и связующим звеном которого должна стать Россия. Более того, для упрочения этого союза славянам необходимо вернуть себе свои исконные территории, оставив Турцию за Босфором. Достоевский обосновывает эту идею в ряде статей «Дневника писателя»²².

Столь высокое предназначение России следует, по мысли Достоевского, прежде всего из православия, «потому что православие именно это повелевает и к тому ведет: «Будь на деле братом и будь всем слуга»» (24; 183). И Россия доказала право на эту миссию своей историей, «ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?» (26; 148). В русском народе, уверен Достоевский, испокон века живет мысль о том, что истинное христианство, православие,

²² См., напр., выпуски «Дневника» за 1876 и 1877 гг. – преддверие и начало русско-турецкой войны.

осталось только в русской земле, а потому и «русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие все. Православие есть церковь, а церковь – увенчание здания и уже навеки» (27;64). А то, что христианство почти в первозданной чистоте сохранилось именно в русском народе, определяется главной чертой его национального характера – его особой способностью ко «всечеловечески-братскому единению» (26;148). И пусть сейчас русский народ унижен и много в нем самом грязи и скверны, – «судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. <...> Судите наш народ не потому, чем он есть, а потому, чем желал бы стать!» (22;43).

И никакие общеизвестные современные неурядицы России, уверен Достоевский, не дают ей права отказать от этого своего долга, предначертанного свыше: «Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно <...> и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, как и была до сих пор, и, сколь ни изменился бы, пожалуй, облик ее <...>. Да и не таково назначение ее и цель ее, чтобы зря повернулась она с вековой своей дороги...» (25;174). Конечную цель этого пути, суть *русской идеи*, писатель определил в своей знаменитой «Пушкинской речи» предельно ясно: «...Стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (26;148).

О.С. Филиппова
(Нижний Тагил)

Историография историографии Урала в период Великой Отечественной войны

В современных условиях не ослабевает потребность в рассмотрении моделей организации общества в кризисные периоды. Российская история XX в. – яркий пример социальных, экономических, идеологических, культурных «перестроек», периодов высочайшего напряжения и концентрации человеческих сил в условиях общегосударственной опасности, одним из которых, вне всякого сомнения, является Великая Отечественная война.

Региональный характер исторических исследований в рамках обозначенной проблематики позволяет конкретизировать отдель-